

Пэй Шигу нацелился не на Лэ Юя, а на князя Цзинчэна! Он пытался поколебать разум Лэ Юя, но тот остался невозмутим. Однако, когда появился князь Цзинчэн, сердце Лэ Юя заволновалось! Сяо Шанли, не владеющий боевыми искусствами, не мог выдержать полную силу Младшего гроссмейстера, который вложил свою внутреннюю энергию в струны, создавая Мелодию Небесного Демона. Вскоре на его лбу выступил холодный пот, но он сжал горло, чтобы не издать звука и не отвлечь Лэ Юя.

Сяо Шанли тратил все свои силы, чтобы противостоять звукам цитры. Его уши болели, словно их пронзали иглы, и он едва сдерживал слезы. Не Фэйлуань, полная беспокойства, покинула своё место, чтобы проверить его состояние. Мо Ецянь, тем временем, легкомысленно улыбался, покачивая бокал вина.

Лэ Юй выпустил одиннадцать ударов мечом, подавляя технику «Потерянной Сабли», и в гневе воскликнул:

— Как ты посмел тронуть моего человека?

Звук его меча достиг небес, и он использовал этот звон как ритм, чтобы петь, защищая Сяо Шанли от воздействия цитры.

Его пение было подобно крику, взлетающему в небо. Он пел и сражался:

— В те годы, когда я был полон мужества, я взял копьё и впервые встал на защиту справедливости.

Его голос был мощным и глубоким, наполненным печалью и горечью. Даже Цэнь Мухань, Младший гроссмейстер, привыкший к битвам и обычно невозмутимый, невольно сделал шаг вперёд.

Это были строки, написанные в прошлом Вэнь Шэн Хэ Тайси от имени Нин Янсу, каждая фраза передавала её дух и голос.

*

В те годы, когда я был полон мужества, я взял копьё и впервые встал на защиту справедливости!

Моё сердце было высоким, как солнце, а моя воля чиста, как осенний иней!

Я двигал остриё, как молнию, и сражался до конца реки!

Когда лагерь пал, звёзды угасли, и ряды врагов были разорваны, как тучи...

*

Моё сердце было ярким, как солнце, моя воля чиста, как иней. Я сражался в одиночку, и моё остриё уничтожало врагов. В тот день, когда я покидала область Циньчжоу, жители города со слезами на глазах провожали меня. Она разбила нефритовую шпильку за городом и спела эту

песню на прощание. Пэй Шигу часто слышал, как его учитель в пьяном состоянии пел эту песню, и это ранило его сердце. Теперь, услышав её снова, он тоже был тронут. Он перестал петь и сосредоточился на игре на цитре, исполняя «Песню Ходьбы по Инею». Как только он перестал петь, Сяо Шанли почувствовал облегчение в груди, опёрся на стол и пришёл в себя. Вспомнив слова «мой человек», он невольно покраснел.

Лэ Юй не был так искусен в использовании звуков для воздействия на разум, как мастер цитры, но его внутренняя энергия была настолько мощной, что могла поглотить горы и реки. Его пение столкнулось с внутренней энергией цитры, и когда он произнёс:

— Мир быстро меняется, а люди и дела уже не те...

несколько ив рядом с Пэй Шигу были уничтожены, словно разорваны на части. Следующая строка вызвала серию громких звуков, и Пэй Шигу почувствовал острую боль в пальцах. Кровь брызнула на струны, и большая часть семи струн его цитры «Люйци» была разорвана.

Пение внезапно прекратилось, но в этот момент раздался слабый гром, доносящийся со всех сторон. Гул становился всё ближе и громче, и вдруг молодой голос запел:

— «В те годы, когда я был полон мужества, я взял копьё и впервые встал на защиту справедливости!»

Многие мужчины ответили:

— Мы помним эту песню и никогда не забудем!

Их голоса были подобны тысячам солдат, мчащихся на поле битвы. Перед ними остановились тринадцать всадников, и во главе их была девушка, плотно завернутая в плащ. Её волосы были слегка растрёпаны от быстрой езды, лицо бледное, но глаза сияли ярким светом. Несмотря на усталость, она выглядела красиво. Это была Тянь Мими, только что перевязавшая рану от стрелы.

Она посмотрела на Не Фэйлуань, затем на князя Цзинчэна и на Лэ Юя:

— Кто-то рисковал жизнью ради меня, и я не предаю их!

Она, как ласточка, спрыгнула с лошади и большими шагами направилась к сцене. Двенадцать всадников из тайного отряда области Циньчжоу выстроились вокруг неё, действуя с удивительной слаженностью.

Сяо Шанли слегка поклонился:

— Принцесса Яньцинъ.

Она улыбнулась и ответила:

— Ваше высочество, князь Цзинчэн.

Затем, с смесью радости и беспокойства, добавила:

— Сестра Не!

Мо Ецянь, с подозрением и гневом, уже догадался о правде и хотел убить Не Фэйлуань, чтобы выместить свою злость, но встретил спокойный взгляд Цэнь Муханя. Мо Ецянь с яростью воскликнул:

— Значит, это и есть настоящая принцесса Яньцинь? Хорошо, хорошо, хорошо! Если принцесса сбежала и теперь вернулась, чтобы сдаться, так тому и быть!

Тянь Мими мельком взглянула на него:

— Мелкие людишки не понимают слова «справедливость».

Она посмотрела на Сяо Шанли:

— Ваше высочество, хотя мы не заключили союз, вы, услышав о моей беде, решили помочь. Я благодарна вам за это.

Двенадцать всадников вокруг неё хором сказали:

— Благодарим ваше высочество, князя Цзинчэна!

Сяо Шанли, всё ещё сидя, с холодным потом на лбу, выглядел как будто высеченный из нефрита. Его черные волосы и белая кожа сверкали под светом ламп, а губы были ярко-красными. Его лицо оставалось невозмутимым:

— Дело, которое я поручил принцессе, завершено?

Тянь Мими ответила:

— С честью выполнено!

Мо Ецянь с насмешкой сказал:

— О чём это вы, ваши высочества, говорите загадками?

Сяо Шанли ответил:

— Ни о чём особенном. Просто я давно решил, что растерзаю тебя в пыль.

Произнося слова «растерзаю в пыль», он наконец повернулся к Мо Ецяню. Его глаза были холодны, как глубокое озеро, а губы, как красный цветок, погружённый в ледяную воду. Тянь Мими на мгновение застыла, а Вэньжэнь Чжаохуа с удивлением отметил про себя, что князь Цзинчэн, который днём казался просто молодым и красивым, при ярком свете ламп выглядел ещё более величественным. Его слова были спокойны, но даже эта спокойная угроза звучала, как будто он произносил драгоценные жемчужины.

Мо Ецянь насмешливо сказал:

— О? И на что вы, ваше высочество, опираетесь? На хозяина острова Пэнлай, который сам едва держится?

Сяо Шанли ответил:

— На Великого гроссмейстера.

Мо Ецянь почувствовал страх, но на словах сохранил уверенность:

— Ваше высочество, вы, должно быть, блефуете! Всем известно, что все гроссмейстеры мира заключили «Договор гроссмейстеров». Мастер Сыхань из вашей страны уже тридцать лет находится в затворничестве. Как он может вмешаться в конфликт между Северной Хань и Южной Чу?

Сяо Шанли ответил:

— Я несколько раз встречался с учеником мастера Сыханя, Шаньжэнем, и, получив письмо, отправил сообщение в Дзен-храм Золотого Леса с моей печатью.

Он оглядел всех присутствующих и медленно продолжил:

— Суть «Договора гроссмейстеров» в том, чтобы не допустить вмешательства гроссмейстеров, чьи силы превосходят обычные, в конфликты между странами, сохраняя мир между четырьмя государствами. Но теперь два ученика гроссмейстера Северной Хань прибыли в нашу страну. Один из них мог действовать по своей воле, но двое, включая принцессу Яогуан, — это уже действие по воле гроссмейстера Северной Хань. Они похитили принцессу Восточного У, нарушив отношения между Чу и У. Разве это не угроза миру между четырьмя государствами? Разве это не повод для вмешательства другого гроссмейстера?

Мо Ецянь несколько раз изменился в лице. Тянь Ядао действовал по его просьбе, но теперь всё это было представлено как воля его учителя. Он был сбит с толку, и в этот момент Тянь Мими спокойно сказала:

— Когда я освободилась и вернулась в резиденцию, я получила просьбу от князя Цзинчэна и отправила дворцового инспектора с моим знаком, чтобы встретиться с гроссмейстером Южной Чу. Готов ли гроссмейстер вмешаться? Я и князь Цзинчэн готовы рискнуть, но сможете ли вы рискнуть своей жизнью?

Она повернулась к одному из всадников и с улыбкой добавила:

— Князь Цзинчэн, должно быть, увидел мастера и упомянул его имя.

Всадник снял черный шлем, и перед всеми предстал молодой монах лет двадцати с небольшим, с опущенными уголками глаз и чистым лицом. Он сложил ладони в приветствии:

— Шаньжэнь прибыл по приказу настоятеля, чтобы защитить ваше высочество. Я слышал, что ваше высочество обладает способностью запоминать людей. Мы не виделись семь лет, но вы всё ещё помните меня.

Он был среди одиннадцати всадников, и никто не обратил на него внимания, но теперь, когда он вышел вперёд, все невольно уставились на него. Он достиг уровня, когда скрывает свои способности, и хотя он сказал, что пришёл защитить князя Цзинчэна, он не будет помогать хозяину острова Пэнлай и принцессе Яньцин, если их жизни не будут в опасности. Теперь на

стороне князя Цзинчэна был ещё один Младший гроссмейстер.

Тянь Мими посмотрела на Не Фэйлуань. Её сестра Не была настолько мудрой, что уже поняла, что они в безопасности. Хотя она оставалась в стороне среди высокопоставленных и сильных мужчин, её глаза, как волны, полные радости за неё, и в то же время беспокойства за исход битвы на горе Мэйлин, сверкали.

Тем временем Лэ Юй, чья внутренняя энергия значительно усилилась, едва не отрубил руку Тань Ядао своим мечом. Лэ Юй вовремя отвел меч, оставив на его предплечье лишь глубокую рану. Тань Ядао сказал:

— Ты действительно достойный противник. Посмотрим, как ты переживёшь эту ночь.

Он нажал на несколько точек, чтобы остановить кровь, и сел на землю, скрестив ноги.

Битва была решена. Пьяный мастер цитры схватил руку Пэй Шигу, чтобы тот не продолжал играть:

— Ты всё ещё хочешь сражаться?

Пэй Шигу спокойно ответил:

— Пока на цитре «Люйци» осталась хотя бы одна целая струна, зачем мне отступать? Даже с «Искусством Грызущего Снег» я могу устать от долгой битвы.

Ван Люкэ несколько раз изменился в лице и тихо сказал:

— Я выиграл пари! Я хочу, чтобы ты сделал одно дело — немедленно остановись!

Пэй Шигу, схваченный за руку, посмотрел на него и наконец улыбнулся:

— Ладно, ладно, ладно. Мы ещё встретимся в этом мире. Теперь, когда принцесса Яньцинъ здесь, даже если мой учитель был предан генералу Нин, я не должен больше преследовать тех, кто её спас, и позволять Северной Хань воспользоваться этим.

Ван Люкэ громко рассмеялся:

— Именно так!

Пэй Шигу провёл рукой по порванным струнам и громко сказал:

— Вы, господин, нарушили поток крови, и за эту битву вы потеряете три года жизни.

Его слова уже не содержали боевого духа. Лэ Юй ответил:

— В жизни двадцать пять тысяч дней. Если я потеряю тысячу дней ради одной битвы, это будет достойная жертва.